

сов модернизации. Сегодня на фоне бесконечных разговоров о будущих судьбоносных успехах новых технологий, таких как биотехнологии, космические и информационные технологии, ядерная энергетика, практически не становятся предметом серьезных дискуссий вопросы состояния и качества российского социума и человека, механизмы именно благотворного воздействия технологических перемен на социальную и человеческую реальность в масштабах всей страны.

Если говорить о сути сегодняшнего заявленного этапа модернизации, то ее в самом общем смысле можно назвать либерально-консервативной моделью, у которой есть пределы своих несомненно позитивных возможностей и свои, как видимые, так и более глубинные ограничения.

В отечественной научной и философской литературе сложилась в последние годы удивительная ситуация. Весь мир говорит о кризисе современного мирового, глобального капитализма, необходимости его замены на качественно новую модель капитализма, а у нас такие понятия, как капитализм и социализм, оказались фактически табуированными, по крайней мере, их использование превращает любого ученого практически в маргинала. Разумеется, нет этих понятий и в официальном политическом языке, если не принимать во внимание негативные оценки советского социализма. И это имеет место в то время, когда во всем мире существуют самые разнообразные и нередко весьма влиятельные социалистические движения, ведет активную работу в мировых масштабах Социнтерн и социал-демократия, не говоря уже о более радикальных движениях, в том числе и коммунистических. Наконец, существует Китай, который четко себя позиционирует как социалистическое государство. В этих условиях сегодня следует всячески подчеркивать несомненную значимость использования понятий капитализма и социализма для выявления подлинных смыслов у заявленного нового этапа модернизации российского общества.

Важное место в дискуссиях последнего времени занимает проблема особого пути развития России, который трактуется, как правило, как особого рода Большой проект, выходящий далеко за рамки либеральной и либерально-консервативных моделей российской модернизации. Общий смысл рассуждений об особом пути развития страны заключается в том, что на каждом истори-

ческом этапе ее реформаторы ставили перед собой весьма амбициозные задачи по достижению иным способом, по сравнению с западным обществом, главной для них цели – превращения страны в великую, независимую, могущественную в военно-политическом и экономическом отношениях державу. Особую и совершенно незаменимую роль играет в решении такого рода задач российское государство.

Но этот путь – не конфронтация с Европой, а альтернативность общественным порядкам Европы в рамках более глубоко понимаемого сущностного единства России и Европы. Не копирование и не повторение чужих путей и способов, а свое собственное видение путей и методов достижения страной необходимых для ее существования независимости и могущества. Развитие по особому пути создавало совершенно удивительную атмосферу напряженного и самоотверженного труда миллионов российских людей, создавало особый настрой в душе каждого человека, ощущения им своей причастности к свершению великих задач и целей. Именно в такие периоды Россия становилась одним из главных субъектов мировой истории, жила полноценной жизнью в истории, творила Историю.

Сегодня весьма востребованным становится научно беспристрастный сравнительный анализ либерально-консервативной и социалистической интерпретаций намечаемого этапа модернизации российского общества, рассмотрение обоснованности новой социалистической альтернативы как современной формы особого пути развития России с использованием в подтверждение этой позиции позитивных результатов отечественных реформаторов прошлого. Новое историческое задание России должно оформиться как особый нравственный, культурный императив для власти и общества в целом. Вновь и вновь приходится возвращаться к рассмотрению той особой роли, которую играла и продолжает играть духовная сфера в жизни российского общества и в российской истории. Обращение к этой сфере должно стать стрелковой идеей в антикризисной, модернизационной стратегии России.

Однако здесь нужна дальнейшая работа по конкретизации того, как связана духовность с решением задач по реализации «общего дела» всех россиян. Наиболее глубинной константой, направляющей историческое развитие России, выступает освоение российского пространства. Особые пути развития, реализованные такими

реформаторами, как Петр I и Сталин, не только выводили страну на качественно иную ступень развития, но и оказывались этапами в освоении и стягивании государством российского пространства. Сегодня нужна новая философия российского государства именно с точки зрения организации прорыва всей страны к новому историческому этапу развития и вместе с тем к новому качеству в освоении российского пространства. Эту миссию в главном и наиболее существенном может взять на себя только авторитарное государство, властно-управленческая вертикаль. И в реализации этой миссии можно увидеть историческое оправдание авторитаризму независимо от того, будет ли он «мягким» или «жестким», тем, что нередко называется в литературе «диктатурой развития».

Если духовность не укоренена в практику повседневной профессиональной деятельности миллионов людей и каждого человека в отдельности, тогда ее значимость для общества в лучшем случае ограничивается решением проблем нравственного самосовершенствования индивидуума, культивированием в обществе частных духовных практик.

Важное место в программе нового этапа модернизации российского общества играют вопросы дальнейшего реформирования отечественной политической системы, придания ей новых демократических черт и механизмов. В связи с этим большое значение приобретает систематическое ознакомление нашей научной общественности с опытом стран, которые более успешно двигаются по пути проводимой ими модернизации. Анализ материалов дискуссий по вопросам идеологии, политической демократии, роли гражданского общества, которые прошли в самое последнее время в китайской научной и партийной литературе, дают огромную пищу для размышлений.

Наконец, в монографии поднимается ряд вопросов методологического характера, связанных с познавательной ограниченностью современного понятийного аппарата, который сложился в отечественном социальном знании, в связи с резким усложнением, размытостью и неопределенностью нынешней социальной реальности. Особенно это касается взаимодействия человека с окружающей его социальной реальностью, выработки человеком ценностных ориентаций, социальных установок, целей и смыслов своего существования.

Автор каждого из разделов работы обладает своим собственным видением поставленных проблем, способов их изложения и обсуждения. Но весь авторский коллектив объединяет наличие в значительной мере общей позиции, что позволяет говорить о работе как о коллективной монографии, а не о сборнике статей. Неокончателность выводов и положений, содержащихся в работе, позволяет надеяться, что к результатам проведенного исследования, их содержательности, оригинальности и доказательности будет проявлен интерес со стороны научной и философской общности.

В.Н. Шевченко

Предпосылки и логика российских трансформаций

Завораживающая популярность термина «модернизация» и страстное желание наконец-то осуществить ее в России почти полностью затмили для нас сущностную связь этого понятия с конкретным пространственно-временным явлением – **европейским** модерном. Модернизация воспринимается как часть общеэволюционного процесса, который с той или иной степенью удачливости реализуется или не реализуется в любой стране сегодняшнего мира. При этом неудачи *общественной* модернизации редко погружают нас в размышления о сущностных отличиях в исходных посылках европейского *культурного* проекта модерна и российского бытия. Однако именно эти коренные расхождения составляют главные препятствия на пути преобразования российской современности и приведения ее в разумное соответствие с западным аналогом.

Главная черта европейского проекта модерна – объективация структур разума, реализация принципа рациональности в повседневности. Центральное достижение этого проекта состоит в том, что он сформировал особый род субъекта – рационально-волевого субъекта. Его определяющими особенностями стали, прежде всего, индивидуализм и автономия действия. Именно они видятся как субстанциальная основа государства. Однако претензии на своеобразие в структуре такого субъекта тесно сопряжены с добровольной ответственностью за то, что он делает. Моральные понятия эпохи модерна основаны на праве отдельного человека делать то, что он должен, однако при обязательном исполнении требования

преследовать свое особенное благо только в согласии с благом всех других. И если государство и общество превращаются в модерне в соответствующие воплощения принципа субъективности, то они не превращаются в анархическую мозаику самопроизвольных действий враждебно настроенных и непримиримых субъектов. Сохраняется глубокая интегрированность общества, основой которой становятся структуры разума. Рационален субъект, включенный в общее целое на основе глубоко интериоризированного понятия долга. Рационально действие субъекта, базирующееся на крепком фундаменте интериоризированного понятия закона. Европейский субъект к концу эпохи модерна достигает, таким образом, точки соответствия веберовской целерациональности.

Что касается российской действительности, то к настоящему времени мы имеем практически полное отступление от описанной европейской «культуры модерна» как на уровне автономных индивидуальных действий, так и в плане ответственности управляющих за консолидацию общества в целом.

Чтобы глубже понять основания наших неудач на поприще позитивной трансформации социума, необходимо ясно и прочно осознавать сущностное различие между модерном как парадигмой и модернизацией. И сколь привлекательными бы ни были для нас, как, впрочем, и для десятков других народов, прогрессивные формы быта, общественно-государственного устройства и прочие земные блага, привносимые европейской цивилизацией, не следует слишком обольщаться относительно «данайских» даров модернизации. Модернизация не есть вхождение в модерн, в европейскую цивилизацию модерна. По сути, она есть не что иное, как последнее, правда, будем надеяться, не самое худшее издание западного миссионерства и европейского культуртрегерства. Но ведь история отчетливо показала, что оба эти явления неотделимы от прилагательного «колониальный» – пусть даже не по «святым» намерениям, так по фактическим результатам, не по замыслу, так по следствиям.

Концептуальное ядро модерна составило новое понимание субъективности – признание индивидуализма как принципа организации жизни Нового времени. Государство, общество, наука, мораль и искусство предстают в модерне как соответствующие воплощения принципа субъективности. Собственно, в самой **идее**

субъектности, самоценности субъекта как высшего принципа мира нет ничего предосудительного. Более того, неоспоримым представляется высказывание Гегеля о том, что «индивидуум *как таковой* имеет *бесконечную* ценность»¹.

Проблема возникает тогда, когда достижения конкретно-европейской и локально-географической рациональности становятся «установочными», единообразными принципами для всего остального мира. Действительно, материальные потребности в пище, одежде, жилище, организации трудового процесса и т. д. у всех более или менее одинаковы. Эти социально-психические элементы общи всем людям. Беда в том, что сосредоточение исключительно на них приводит к насаждению только внешних форм быта, которые воспринимаются как высшие и окончательные достижения и цели человеческого существования. В таком случае материальная техника, чисто рационалистическая наука и эгоистически утилитарное мировоззрение получают решительный перевес над всем остальным. Как верно замечает Н.С.Трубецкой, «японец и немец могут сойтись только на логике, технике и материальном интересе, а благодаря этому все прочие элементы и движущие пружины культуры постепенно должны атрофироваться»².

Возникает опасность даже не столько нивелировки культур, сколько их вырождения, деградации духовно-нравственной самоценности культуры, составляющей ее подлинный гуманистический смысл. К тому же, надежды на сближение различных народов только на основании общности материального фундамента повседневности есть глубочайшее заблуждение. Н.С.Трубецкой указывает, что ошибочно было бы думать, будто таким образом «упраздняются перегородки и облегчается общение между людьми... Никакое братство и неосуществимо вовсе, когда во главу угла ставятся эгоистические материальные интересы, когда техника сама собой вносит мотив международной конкуренции и милитаризма, а самая идея интернациональной цивилизации порождает замыслы империализма и мирового господства. Упразднение или низведение на второстепенное место духовной стороны культуры ведет только к моральному одичанию людей и развитию личных эгоизмов, что не только не упраздняет, но, наоборот, увеличивает трудности общения между людьми и углу-

бляет вражду между отдельными социальными группами даже в пределах одного и того же народа»³. Удивительно, но сегодня это высказывание начала прошлого века звучит чрезвычайно актуально. Почему?

Все дело в том, что с модернизацией транслируются во все не культурные основания европейских достижений. Да это и невозможно, ведь они есть результат, органически выросший из аутентичной европейской ментальности, на что справедливо указывал еще М.Вебер. Транспортируются **конечные продукты** многовековой внутренней работы стран Запада – права человека, концепция гражданского общества, парламентаризм. Но в таком случае мы фактически впадаем в светский вариант обрядоверия. Если бы мы желали достичь подлинного гуманитарного прогресса, следовало вести речь об идеях, которые должны наполняться конкретно-национальным содержанием. Тогда место слогана «права человека» должна занять идея **человеческого достоинства как первичный принцип** и фундаментальное основание прав человека. Первичность принципа достоинства человека никак не могла бы обернуться тем моральным и физическим беспределом, к которому привело распространение в современной России исторически непереваренного и анархически понятого концепта «прав человека».

Ядром организации духовно и душевно комфортного человеческого общежития должна быть **идея уважения людей друг к другу**. Однако эпоха «перестройки» конца XX в. ознаменовалась внедрением лозунга «гражданского общества», формула которого в России совершенно не ясна, поскольку отсутствует центральный актор такого общества – ответственный, законопослушный гражданин, пекущийся об общественном благе. В таком социальном контексте совершенно естественными стали распад социума и анархическое сосуществование одиночек, живущих по закону городских джунглей или по понятиям уголовного мира под контролем мафиозных структур. Вместо желанной реализации гражданской свободы мы получили бесправие слабого и всевластие коррупционера, главенство грубой силы и «воров в законе». Вместо утверждения «священного права собственности» мы имеем социальную обособленность, замкнутость, замешанные на страхе, и агрессивный имущественный передел.

Разумеется, существует «закон о защите чести и достоинства», который призван компенсировать социальные перверсии концепции прав человека. Однако следует и здесь отметить, что речь идет о законе. И закон этот есть инструмент и результат европейской контекстуальной рациональности. Он мог бы претендовать на универсальность, если бы, во-первых, могла быть равнозначная интерпретации личности в европейском и российском сознании и, во-вторых, если бы укорененность самой законности в коллективном менталитете Запада и России была тождественной. Что касается различий в понимании личности, то необходимо помнить, что в концепте прав человека речь идет об **индивиде**, а не о человеке вообще. «Индивид» есть социальный конструкт, выработанный в историческом контексте европейского культурного модерна с его особым набором культурных ценностей и норм, весьма отличных от наличного российского контекста и сознания.

Все это заставляет нас вернуться в исходную точку и переосмыслить сами принципы инициации социальных новаций. Очевидно, радикальные гуманистические «идеи» есть всего лишь «закваска», которая должна принести различные плоды в разных культурах. Результат «брожения» всегда зависит от состава теста. Конкретные формы социальных преобразований на основе глубинных гуманистических идей достоинства человека, взаимоуважения и духовного общения дают разные всходы в зависимости от той культурно-исторической почвы, в которую падают зерна этих идей.

Заметим, что модернизация прошла успешно в Японии и, возможно, станет результативной в Китае. Но это именно такие страны, в которых была крепка и монолитна сложившаяся веками и «не поддавшаяся на обман» собственная национально-культурная идентичность. Чувство национальной исключительности уходило корнями в многовековую культуру, которая ко времени модернизации была глубоко осознана народами этих стран, ценима и не поколеблена расколами, гражданскими войнами, насильственной эмиграцией и уничтожением масс населения – носителей исконного культурно-цивилизационного кода.

Постсоветская «бархатная» революция конца XX столетия – очередная попытка вписаться в европейский проект модерна. Однако происходит это на том временном отрезке, когда само ев-

ропейское общество уже вышло из эпохи модерна и переходит в другую стадию – постмодерна. Естественно, что российское общество, которое еще не совершило аутентичной работы по переработке своего коллективного бессознательного в соответствии с требованиями общества модерна, представляет картину полнейшего замешательства.

Метафизические основания революционных потрясений

Философской основой проекта модерн на Западе были идеи Просвещения, главной из которых обычно называют концепт прогресса. Последний развертывается преимущественно в координате времени. Недаром экономико-финансовой квинтэссенцией эпохи капитализма стал лозунг: «Время – деньги». Над Россией же довлеет идея пространства, необъятности и обширности ее просторов. Благодаря своей природной весомости идея эта вступает в определенный конфликт с категорией времени, которая главенствует в европейском коллективном сознании. Развернувшись до горизонта, естественного предела, формируя простор для созерцательности, российская огромность завораживает человека и позволяет ему расслабиться. И, как поется в известной песне, прилечь возле старой дороги, свободно раскинув руки, «головой на пригорок, на высокий курган..., а ногами – в долину, пусть накроет туман»⁴.

Вот тут-то и врывается в судьбу страны, народа и государства вектор времени, императив модерна, приносимый западными ветрами, буквально потрясая и взрывая всю ее социальную структуру. Наступают эпохи революций, переворотов и перестроек. При этом важно заметить, что не люди владеют временем, а оно господствует над ними. Гениальный А.Платонов тонко чувствует и на грани кощунства по отношению к человеческой духовности формулирует этот императив: «...дети – это время, созревающее в свежем теле...»⁵. Таков метафизический лейтмотив российских революций. Стремясь наверстать упущенное, обогнать время, революционные прорывы жертвуют целыми поколениями, делая ставку на новое племя, которому суждено воплотить в жизнь, реализовать очередную модель прогресса.